

ЛИЛИЯ ТИМОЛАЕВА

РАЗВОД С ДРАКОНОМ.

МЕТКА ЕГО
ДЕТСКОГО ДОКТОРА

Лилия Тимолаева

Развод с драконом. Метка его детского доктора

<https://litres.ru/74278689>

Аннотация

Каэль спасён, старая лечебница стала домом, а Арман Вейр наконец учится не приказывать, а спрашивать. Элиана уже почти поверила, что после развода сможет сама выбирать свою жизнь.

Но однажды во дворе появляются серебряные следы, а старая книга пишет: «Дракон проснулся».

Теперь великие дома хотят забрать Элиану на проверку. Для них она не женщина и не врач, а носительница древней силы. Хранительница, которую можно объявить опасной, запретить и использовать ради порядка.

Только метка на её запястье откликается не на власть Армана, а на страх ребёнка. И чем ближе правда, тем яснее становится: проклятие Каэля было лишь началом.

Элиане придётся узнать, почему именно она пришла в этот мир, что скрывала прежняя Элиана и сможет ли женщина, однажды лишённая права голоса, сама выбрать свою судьбу.

Это вторая книга цикла «Детский доктор для дракона». Продолжение книги «Развод с драконом. Детский доктор для проклятого наследника».

Содержание

Глава 1. Дракон проснулся	4
Глава 2. Женщина, которую нельзя отпускать	29
Глава 3. Закон великих домов	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Глава 1. Дракон проснулся

Элиана всё ещё смотрела на страницу, когда рядом с ней замерла Мира — верная служанка, которая после развода ушла с ней в старую лечебницу и с тех пор держала этот дом крепче любой печати.

Рука Мира осталась на полке, куда она только что собиралась поставить чашку. Пальцы побелели, взгляд не отрывался от строки.

“Дракон проснулся.”

Чернила больше не расплывались по бумаге. Они легли ровно, строго, почти спокойно. Будто книга не предупреждала и не кричала, а просто сообщала факт, который всё равно случился бы, даже если бы никто не захотел его услышать.

Серебряная линия на её запястье стала теплее.

Не обжигала. Не резала. Не ползла под кожу, как прежняя тень. Но тепло было слишком живым, чтобы принять его за случайность. Оно собиралось в тонком изгибе крыла, задерживалось там, где ещё недавно оставался серый след, и отсылалось где-то глубже — под рёбрами, в памяти, в той странной границе между Лилией и Элианой, которую она так и не научилась проводить без ошибки.

За окном Каэль снова закричал:

— Эли! Ну иди же! Он маленький, правда маленький!

Мира вздрогнула.

— Госпожа, не надо сразу во двор.

Элиана подняла на неё глаза.

— Там Каэль.

— Именно поэтому не надо сразу бежать, — Мира шагнула ближе, уже приходя в себя. — Когда маленький наследник радуется следам, а старая книга в это время пишет про проснувшегося дракона, приличные люди сначала зовут Те-риона, потом запирают двери, потом уже думают, куда идти.

— Приличные люди многое делают слишком медленно.

— А умные люди не трогают серебряные метки голыми руками, не бегают к неизвестным следам и не делают вид, будто день идёт нормально.

Элиана почти улыбнулась бы, если бы рука не стала теплее.

Почти.

Она осторожно провела большим пальцем рядом с серебряной линией, не касаясь самого знака. Тот отозвался слабым мерцанием, как будто под кожей кто-то открыл глаз и тут же снова прикрыл его.

Мира увидела.

— Вот. Вот именно поэтому вы сейчас сядете.

— Я выйду к Каэлю.

— Вы хотя бы плащ возьмёте.

Элиана посмотрела на неё.

— Это приказ?

— Это разум, который в этом доме почему-то чаще всего

остаётся на мне.

За окном раздался детский смех. Не испуганный. Не надломленный, каким он часто был в первые недели после спасения. Настоящий. Каэль смеялся так, как смеются дети, когда нашли важное сокровище и весь мир обязан немедленно прийти посмотреть.

Элиана не могла не идти.

Она взяла со стола рисунок, который всё ещё держала в руке, машинально положила его рядом с книгой и заметила, как страница под ним тихо дрогнула. Не закрылась. Не попыталась спрятать написанное. Просто дрогнула, словно узнавая детский рисунок: лечебница, Мира у окна, Терион с огромной книгой, Арман у ворот, Каэль посередине.

И она.

Элиана у двери.

Не во дворце. Не в зале. Не рядом с чьим-то гербом.

У своей двери.

— Мира, — сказала она тише, — позови Териона. Пусть возьмёт книгу матери Армана. И не давай никому трогать эту страницу.

— А вы?

— А я посмотрю, что нашёл Каэль.

— Госпожа...

— Не одна. Ты идёшь со мной.

Мира на секунду растерялась, потом поджала губы.

— Вот теперь похоже на разумный разговор.

Они вышли в коридор. Лечебница жила обычными утренними звуками: где-то скрипнула половница, на лестнице тихо прошла Нира, в дальней комнате кто-то из детей спросил, можно ли ему ещё посмотреть на деревянного дракончика Каэля, за дверью приёмной Тая вполголоса объясняла женщине с ребёнком, что госпожа скоро выйдет. Всё было таким земным, тёплым, знакомым, что слова на странице казались почти невозможными.

Дракон проснулся.

Элиана остановилась у крючка с плащом и вдруг поймала себя на странной мысли: раньше она боялась, что однажды этот мир потребует от неё окончательного выбора. Лилия или Элиана. Прошрое или настоящее. Врач или женщина с чужой судьбой. Но сейчас мир, похоже, решил не спрашивать. Он просто поставил на её коже серебряный знак и открыл дверь туда, куда она ещё не готова была идти.

Мира накинула ей плащ на плечи.

— Не стойте так. У вас лицо стало, как у Териона, когда книга пишет что-то неприятное.

— У Териона всегда такое лицо.

— Вот именно. Не перенимайте дурные привычки.

Элиана вышла на крыльцо.

Снега действительно почти не было. Скорее тонкая, неровная пыль холода на земле, на камнях дорожки, на краю старой скамьи и на пустых грядках у стены. Небо висело низко, серое, влажное. Во дворе пахло мокрым деревом, дымом

из соседних труб и свежей краской — вывеска “Лечебница Элианы” ещё не до конца высохла после вчерашней поправки, которую Тая настояла сделать ровнее.

Каэль стоял у старой яблони.

На нём был тёплый короткий плащ, который он терпеть не мог, потому что тот мешал “быстро двигаться”, и шапка, надвинутая на уши Нирой так тщательно, что мальчик выглядел возмущённым грибом. В одной руке он сжимал деревянного дракончика, другой показывал на землю.

Нира стояла рядом. Лицо у неё было встревоженным, но она не хватала Каэля, не тащила его назад, не запрещала смотреть. За это Элиана была ей благодарна. В первом доме Каэля слишком часто “защищали” так, что он переставал жить.

— Эли! — мальчик заметил её и просиял. — Я же говорил! Смотри!

Он присел на корточки и осторожно, почти благоговейно, указал на следы.

Сначала Элиана увидела только маленькие углубления в тонком снегу. Несколько неправильных отметин возле корней яблони. Можно было принять их за следы птицы, за трещины в мёрзлой земле, за детскую фантазию, которой очень хотелось найти дракона.

Потом она подошла ближе.

Серебряная линия на запястье потеплела.

Элиана остановилась.

Следы не шли к яблоне от ворот. Не тянулись от стены, от сарая, от калитки, от дорожки. Они начинались прямо в середине двора, у самого корня, где земля была тёмной и влажной, будто кто-то вышел снизу, продавив тонкий слой снега изнутри.

Их было пять.

Каждый — с тремя маленькими коготками впереди и одним коротким сзади. Не звериные. Не птичьи. Слишком чёткие. Слишком правильные. И в каждом углублении снег не таял, а слабо серебрился, как иней в лунном свете, хотя луна давно ушла за облака.

Каэль посмотрел на неё снизу вверх.

— Это он?

Элиана не сразу ответила.

Она слышала за спиной дыхание Миры, сдержанное и быстрое. Видела, как Нира осторожно положила руку на плечо Каэля, но не заставила его встать. Видела, как несколько детей из лечебницы выглядывают из окна, прижимаясь носами к стеклу. Видела старую яблоню, чёрную от влаги, с тонкими ветками, похожими на пальцы.

И чувствовала тепло на запястье.

— Я не знаю, — сказала она честно.

Каэль нахмурился.

— Но он маленький.

— Следы маленькие, — поправила она мягко. — Это ещё не значит, что тот, кто их оставил, маленький.

Мальчик задумался.

— Большой дракон с маленькими лапами?

Мира за её спиной не выдержала:

— Прекрасно. Вот с этого и начнём новую катастрофу. С большого дракона на маленьких лапах.

Каэль фыркнул.

— Мира, драконы так не бывают.

— А книги, которые сами пишут по ночам, значит, бывают?

Он открыл рот, закрыл, потом посмотрел на Элиану с важным видом:

— Бывают, если они очень старые.

— Удобное объяснение, — пробормотала Мира.

Элиана опустилась рядом с Каэлем на корточки. Земля была холодной, плащ коснулся мокрой дорожки, но она не обратила внимания. Нельзя было трогать следы сразу. Не потому, что она знала правила магии, а потому что не знала их совсем.

Она протянула руку, остановила пальцы в нескольких вершках от ближайшей отметины.

Серебряная линия вспыхнула.

Не ярко, не больно. Но достаточно, чтобы Каэль ахнул.

— У тебя светится.

Нира резко посмотрела на её запястье.

— Леди Элиана...

— Тихо, — сказала Элиана.

Не резко. Но так, что все замолчали.

Внутри, под кожей, не было голода прежней тени. Не было холода, который требовал страха. Это тепло было другим. Внимательным. Осторожным. Словно метка не пыталась взять, а ждала, поймёт ли она.

Следы ответили слабым серебряным отблеском.

Каэль наклонился ближе.

— Он тебя знает?

— Не знаю.

— А меня?

Элиана посмотрела на него.

Мальчик уже тянул руку к следу.

— Не трогай.

Он послушался сразу, но обиделся.

— Я аккуратно.

— Я знаю. Но пока мы не понимаем, что это.

— Ты же доктор.

— Именно поэтому я не трогаю всё незнакомое первым делом.

Каэль вздохнул так тяжело, как будто взрослые снова испортили всё приключение.

— А если он испугается и уйдёт?

— Кто?

— Дракон.

Элиана посмотрела на серебряные отметины. От них тянулось не тепло даже, а ожидание. Странное, тихое, такое же

древнее, как почерк в книге.

— Если он хотел уйти, он бы не оставил следы во дворе, где ты их найдёшь.

Каэль оживился.

— Значит, он хотел, чтобы я увидел?

Мира тихо сказала:

— Или чтобы вы привели госпожу.

Элиана подняла взгляд.

Мира стояла чуть выше на дорожке, кутаясь в шаль. На лице у неё уже не было привычной хозяйственной раздражённости. Только тревога — взрослая, трезвая, слишком хорошо знакомая женщинам, которые видели, как беда сначала приходит тихо, а потом вдруг оказывается в доме.

— Териона, — сказала Элиана.

— Уже бегут, — ответила Мира.

И действительно, через минуту из боковой двери почти вылетел Терион. Волосы у него были растрёпаны, на плече болтался шарф, который он явно накинул, не глядя. В руках он держал книгу матери Армана, завёрнутую в плотную ткань.

— Не подходите близко! — сказал он сразу.

Каэль обиделся ещё сильнее.

— Мы уже подошли.

Терион остановился так резко, что едва не поскользнулся.

— Это не повод продолжать.

— Мастер, — Элиана поднялась, придерживая край пла-

ща, — посмотрите.

Терион подошёл ближе, но не так близко, как она. Присел, всмотрелся, и лицо у него изменилось. Сначала стало сосредоточенным, потом недоверчивым, потом совсем бледным.

— Это не остаточная тень, — сказал он.

— Что?

— Не след проклятия. Не Селестина работа. По крайней мере, не похожа.

Мира скрестила руки.

— Очень утешительно. Значит, у нас свежая неизвестная беда.

— Не беда, — тихо произнёс Терион, не отрывая взгляда от следов. — Или не только беда.

Он осторожно развернул книгу. Та не сопротивлялась. Страницы сами открылись не там, где утром появились слова, а глубже — между листами, которые прежде были пустыми. На одной странице проступал рисунок: маленькая ладонь, рядом крыло, под ними несколько отметин, очень похожих на те, что лежали в снегу.

Элиана почувствовала, как кожа на запястье снова потеплела.

— Вы знаете, что это?

— Нет, — честно сказал Терион.

Мира шумно выдохнула.

— Прекрасно.

— Но я знаю, чем это не является. Это не нападение. На-

падение оставляет разрыв, холод, давление. Здесь... — он поискал слово, поморщился. — Здесь отклик.

— Отклик на что? — спросила Элиана.

Терион посмотрел сначала на её запястье, потом на Каэля.

Мальчик стоял очень тихо. Даже деревянного дракончика прижал к груди не так крепко, как обычно, будто боялся случайно помешать важному разговору.

— На них обоих, — сказал Терион.

Элиана сжала руку под плащом.

— Не говорите загадками.

— Я не хочу говорить глупости.

— Тогда говорите осторожно.

Он кивнул, благодарный за такую формулировку.

— Когда проклятие ушло из Каэля, оно не просто исчезло.

Часть старой связи разорвалась, но место связи не осталось пустым. Ребёнок был слишком долго... — Терион осёкся, заметив взгляд Элианы, и сменил слова: — Слишком долго связан с чужой силой. А вы стали проводником при снятии тени. В старых записях было сказано, что женщина из другого мира “увидит ребёнка раньше крови”. Я думал, это про ваше мышление, про то, как вы смотрите на Каэля. Теперь не уверен.

— Вы хотите сказать, что метка появилась из-за него?

Каэль испуганно поднял голову.

— Из-за меня?

Элиана сразу повернулась к нему.

— Нет. Не так.

— Но он сказал...

— Он сказал неудачно.

Терион виновато опустил глаза.

— Я сказал неудачно, наследник.

Каэль нахмурился.

— Значит, не я сделал?

— Нет, — твёрдо сказала Элиана. — Ты ничего плохого не сделал. Ты нашёл следы. Это совсем другое.

Мальчик немного расслабился, но взгляд всё равно остался тревожным.

— А если дракон проснулся, потому что я боялся?

Элиана вспомнила тёмные линии на его коже, ночные приступы, Селестин шёпот, страх перед светом, страх перед выбором, страх быть преданным взрослыми. И ей захотелось обнять его сразу, закрыть от всех книг, советов, домов, драконов и слов, которые дети не должны носить в себе.

Но она только присела перед ним, чтобы их глаза оказались почти на одном уровне.

— Ты мог бояться сколько угодно, — сказала она. — Ребёнок имеет право бояться. Взрослые должны были сделать так, чтобы тебе не пришлось бояться одному. Если проснулся кто-то древний, то вопросы будут к взрослым, а не к тебе.

Каэль подумал.

— К папе тоже?

Элиана услышала за воротами стук копыт.

Словно сам вопрос позвал ответ.

Во дворе все повернулись одновременно.

У ворот остановилась карета без гербовой пышности, но по выправке стражи, по тёмным плащам и по тому, как даже прохожие на улице сразу отступили, Элиана поняла, кто приехал. Арман не стал въезжать во двор. Не приказал открыть. Не послал стражника вперед.

Он вышел из кареты сам и остановился за воротами.

В тёмном дорожном плаще, без парадной цепи, с влажными от снега волосами, он выглядел не герцогом из зала, где однажды ломали чужую жизнь, а человеком, который уже знает: одно неверное движение может вернуть всё к началу.

Каэль шагнул вперёд.

— Папа!

Арман посмотрел на сына, и в его лице мгновенно изменилось что-то жёсткое.

Он увидел не только Каэля.

Увидел следы.

Увидел Териона с книгой.

Увидел, как Элиана стоит между ребёнком и серебряными отметинами, а её рука под плащом светится слабым теплом.

Его серебряный взгляд стал внимательнее.

Но он не открыл калитку.

— Можно? — спросил он.

Мира рядом с Элианой тихо пробормотала:

— Вот каждый раз не верю, а он всё спрашивает.

Элиана не сразу ответила.

Не из желания заставить ждать. Просто прислушалась к себе.

К метке.

К следам.

К Каэлю, который уже хотел кинуться к отцу, но остановился, потому что тоже теперь знал: в этом доме спрашивают.

Серебряная линия на запястье не вспыхнула от Армана. Не потянулась к нему, не отозвалась ни страхом, ни теплом. Будто его родовая сила была рядом, но не имела права войти без её решения.

Элиана медленно кивнула.

— Можно. Но не подходите к следам.

Арман открыл калитку сам и вошёл во двор.

Стража осталась снаружи.

Каэль бросился к нему только после второго взгляда на Элиану, словно проверял, можно ли. Арман присел и подхватил сына не слишком резко, осторожно, помня его слабость. Мальчик обнял его за шею.

— Папа, там дракон!

— Я вижу следы.

— Не просто следы. Книга сказала, что он проснулся.

Арман замер.

Очень коротко. Но Элиана заметила.

— Какая книга?

— Старая, — важно сказал Каэль. — Которая пишет сама.
Арман поднял взгляд на Элиану.

— Это правда?

— Да.

Он не спросил “что это значит”. Не потребовал книгу. Не велел Териону немедленно объяснять. Только поставил Каэля на землю и подошёл ближе, остановившись на расстоянии нескольких шагов от следов.

— Что тебе нужно? — спросил он у Элианы.

Вопрос был простым.

И именно поэтому оказался трудным.

Раньше он сказал бы, что нужно делать. Кого позвать. Что закрыть. Куда отвести Каэля. Теперь стоял в её дворе, возле её лечебницы, перед следами неизвестного дракона, и спрашивал.

Метка на её руке потеплела, но не от него.

От Каэля, который снова подошёл к следам и встал рядом с ней.

Элиана почувствовала это ясно. Когда мальчик приблизился, серебряная линия словно наполнилась мягким светом. Когда Арман сделал шаг, почти ничего не изменилось. Его сила не будила метку. Его кровь не звала её.

Каэль — да.

Она посмотрела на мальчика.

— Подойди ко мне.

Он подошёл.

Тепло усилилось.

— Теперь отойди к Нире.

— Зачем?

— Проверим кое-что. Без магии. Просто шаги.

Он вздохнул, но послушался. Отошёл. Серебро на коже

Элианы стало тише.

Арман увидел.

Терион тоже.

— Ещё раз, — попросила Элиана.

Каэль вернулся. Метка снова стала тёплой.

— Ой, — сказал он. — Она меня чувствует?

Мира прижала ладонь к губам.

Арман смотрел на запястье Элианы так, будто оно говорило вслух.

— Она реагирует не на меня, — произнёс он медленно.

Элиана подняла на него глаза.

— Нет.

Он принял это без видимой обиды. Но она заметила, как у него едва дрогнули пальцы. Не от ревности. От понимания, что новая сила обошла родового главу и откликнулась ребёнку.

— Почему? — спросил Арман у Териона.

Тот поморщился.

— Если я скажу “не знаю”, Мира снова будет ругаться.

— Я буду ругаться в любом случае, — сообщила Мира.

— Говорите уже.

Терион осторожно провёл рукой над страницей, не касаясь её.

— В книге есть старое слово. Оно проступило рядом с рисунком, но не полностью. Похоже на “хранительница”. Или “та, кто слышит младшего”. Я не уверен.

Элиана посмотрела на него.

— Хранительница чего?

— Возможно, не чего. Кого.

Каэль посмотрел на неё так, будто это было совершенно очевидно.

— Меня?

Элиана хотела сразу сказать “нет”, потому что не хотела снова становиться для него единственной стеной между миром и страхом. Ребёнок не должен жить с мыслью, что один взрослый спасает его от всех остальных. У него должен быть отец. Дом. Люди. Безопасность, которая не держится на одной женщине.

Но солгать было нельзя.

— Может быть, не только тебя, — сказала она. — И мы пока ничего не знаем точно.

Арман тихо произнёс:

— Но великие дома захотят знать.

Вот теперь холод всё же прошёл по спине.

Не от метки. От смысла.

Лечебница, которая ещё недавно казалась маленьким ост-

ровом свободы, вдруг снова оказалась частью большого мира. Там были советы, старейшины, закрытые протоколы, секретные архивы, Селеста под печатями, Рейвен под надзором, семьи, которые не привыкли оставлять силу без хозяина. Если они узнают, что у бывшей жены герцога Вейра проявилась собственная драконья метка, они не станут спрашивать, чего хочет Элиана.

Они придут.

С формальностями.

С печатями.

С заботой о порядке.

И будут говорить тем же голосом, каким когда-то называли её добровольно согласной на изгнание.

— Не узнают, если мы промолчим, — сказала Мира.

Терион покачал головой.

— Книга уже сказала: “Домам будет объявлено”.

Все посмотрели на него.

— Она не сказала, — возразила Элиана.

Терион медленно развернул страницу.

Под рисунком, которого минуту назад не было видно целиком, проступили новые слова. Тонкие, серебристые, такие бледные, что их пришлось читать почти под углом.

“Хранительница найдена.”

Мира негромко выругалась.

Арман подошёл на шаг ближе, но остановился, не входя в круг следов.

— Дальше?

Терион сглотнул.

— Пока больше ничего.

Элиана смотрела на строку.

Хранительница.

Слово казалось красивым только снаружи. Внутри у него были острые края. Хранительницу можно почитать. Можно защищать. Можно запереть ради её же безопасности. Можно поставить в центр зала и объявить, что теперь она принадлежит не себе, а тем, кого должна хранить.

Она слишком хорошо знала, как быстро забота превращается в клетку.

— Я не позволю им забрать тебя, — сказал Арман.

Слишком быстро.

Слишком привычно.

Метка на запястье сразу стала холоднее.

Не больно. Но ощутимо.

Элиана повернула к нему голову.

Он понял раньше, чем она успела сказать. Лицо его изменилось — не раздражением, а тем самым тяжёлым усилием, с которым он учился останавливаться в себе.

— Прости, — произнёс он. — Неверно сказал.

Каэль нахмурился, переводя взгляд с одного взрослого на другого.

— А как верно?

Арман посмотрел на сына, потом на Элиану.

— Я помогу, если ты позволишь.

Серебряная линия снова потеплела.

Не сильно. Но достаточно.

Мира тихо сказала:

— Вот. Смотрите. Даже метка уже воспитывает герцога.

Терион прикрыл лицо рукой.

Каэль заинтересованно посмотрел на запястье Элианы.

— Она правда его воспитывает?

— Нет, — сказала Элиана.

Арман одновременно ответил:

— Возможно.

Мальчик улыбнулся. Ненадолго, но настоящей детской улыбкой. И от этого двор на мгновение снова стал двором лечебницы, а не местом пробуждения древней силы.

Потом у ворот раздался новый стук.

Не копыта.

Не колёса.

Три удара металлическим наконечником о решётку.

Стражник Армана снаружи обернулся первым. Его рука легла на рукоять меча, но он не вытащил оружие. У ворот стояли двое всадников в серо-синих плащах. На груди у каждого был знак совета: драконья башня в круге печатей.

Мира выпрямилась.

— Быстро.

Арман медленно повернулся.

Его лицо стало тем самым лицом герцога Вейра, от кото-

рого когда-то в зале отступали гости. Но теперь он стоял не впереди Элианы, заслоняя её своей волей, а сбоку. Между воротами и следами — да. Но не между ней и её правом говорить.

Один из всадников снял перчатку и поднял узкую тёмную пластину.

— По распоряжению Совета великих домов, — произнёс он, — леди Элиане надлежит явиться для проверки.

Каэль прижался к Нире.

Элиана не двинулась.

— Какой проверки? — спросила она.

Всадник перевёл взгляд на Армана, словно ожидал, что ответить должен он.

Арман молчал.

Элиана почувствовала это молчание почти физически. Не пустота. Не равнодушие. Он удерживал себя. Давал ей пространство.

Всаднику пришлось смотреть на неё.

— Проверки проявившейся силы.

— Моей силы?

Слово далось странно.

— Силы неизвестного происхождения, — поправил он.
— Зафиксированной советом как чужая драконья метка.

Терион тихо прошептал:

— Невозможно. Они не могли узнать так быстро.

Второй всадник достал свиток с печатью.

— Совет уведомлён о пробуждении древнего знака. Носительница обязана явиться до заката.

Мира шагнула вперёд.

— Носительница у нас теперь кто? Женщина или корзина с бельём?

Всадник даже не посмотрел на неё.

— Отказ будет расценён как угроза великим домам.

Арман сделал короткий вдох. Воздух возле него стал плотнее, тяжелее. Где-то на крыше лечебницы заскрипела доска. Каэль испуганно взглянул на отца.

Элиана подняла руку.

Не к Арману.

К Каэлю.

Мальчик понял и остался на месте.

Потом она посмотрела на всадников.

— Я приму уведомление.

Арман повернулся к ней.

— Элиана.

— Не приказ, — сказала она тихо, не отрывая взгляда от ворот. — Совет прислал требование. Я отвечу на него сама.

Серебряная линия на запястье вспыхнула теплом.

Всадник протянул свиток через решётку, но Элиана не пошла сразу. Она посмотрела на следы у яблони, на книгу в руках Териона, на Каэля, который уже не улыбался, на Миру, злую и бледную, на Армана, стоящего рядом и удерживающего свою силу так, будто держал за горло собственного

дракона.

Потом сделала шаг к воротам.

Следы за её спиной вдруг засветились ярче.

Не все.

Только один — самый первый, тот, который появился словно изнутри земли.

Всадники замерли.

Терион резко опустил взгляд в книгу.

Страница перевернулась сама.

И теперь слова проступили сразу, без ожидания:

“Хранительница найдена. Домам будет объявлено.”

Под ними, медленнее, будто кто-то писал с усилием, появилась ещё одна строка.

“Но первый выбор принадлежит ей.”

Элиана прочитала её и только после этого взяла свиток.

Печать совета была холодной.

Метке на её запястье она не понравилась. Серебряная линия под кожей на миг стала острой, крылатой, почти живой. Но Элиана не отпустила бумагу.

— Передайте совету, — сказала она, глядя прямо на всадника, — что я получила требование.

— Вы явитесь?

Арман не шелохнулся.

Каэль не дышал.

Мира стояла так, будто готова была ударить свитком кого угодно, если Элиана только кивнёт.

Элиана медленно сложила бумагу.

— Я дам ответ до заката.

Всадник нахмурился.

— Это не просьба, леди.

— Тем хуже для совета, — сказала Элиана. — Здесь ле-
чебница. Даже великие дома подождут, пока я решу, кому
можно доверить мою жизнь.

Второй всадник хотел что-то сказать, но первый удержал
его коротким движением.

Они поклонились Арману. Не Элиане.

Потом развернули коней.

Когда стук копыт стал тише, Каэль наконец выдохнул.

— Они тебя заберут?

Элиана обернулась к нему.

На этот раз она не сказала сразу “нет”. Дети чувствуют
ложь. Каэль особенно.

— Они попробуют.

Мальчик побледнел.

Арман шагнул к сыну, опустился рядом.

— Мы не позволим им решить за неё.

Каэль посмотрел на него внимательно.

— А если они скажут, что ты должен?

Арман не сразу ответил. И хорошо, что не сразу. Быстрый
ответ прозвучал бы красиво, но Каэль уже слишком часто
слышал красивые слова взрослых.

— Тогда я скажу, что больше не отдаю чужой выбор за

порядок дома, — произнёс он наконец.

Каэль перевёл взгляд на Элиану.

— Это правильно?

Она посмотрела на Армана. На его опущенную голову. На руки, которые больше не тянулись схватить и удержать. На человека, который ещё учился, но уже не прятался за силой.

— Да, — сказала она. — Это правильно.

Ветер прошёл по двору, поднял с земли тонкую пыль снега. Серебряные следы у яблони на мгновение стали ярче и вдруг начали исчезать — не таять, а уходить вниз, обратно в землю, как будто тот, кто оставил их, получил ответ.

Только один след остался.

Самый маленький.

Каэль осторожно прошептал:

— Он ждёт?

Элиана посмотрела на книгу в руках Териона.

Страница снова дрогнула.

Ни один взрослый не сказал ни слова, когда под уже проявившейся строкой проступили последние слова, тонкие и холодные, как утренний иней:

“До заката хранительница должна выбрать, чей дом станет её клеткой. Или чей двор — её крылом.”

Глава 2. Женщина, которую нельзя отпускать

Слова проступили на странице тихо.

Без грома, без вспышки, без холода, который ещё недавно неизменно сопровождал всё, связанное с проклятием Каэля. Просто тонкая серебристая строка легла под предыдущими, и от этого стало страшнее, чем если бы книга закричала.

Мира первой нарушила молчание.

— Я не люблю книги, которые угрожают красиво.

Терион поднял на неё взгляд.

— Это не угроза.

— А что? Приглашение на прогулку?

Он снова посмотрел в книгу, но ответа не дал.

Элиана стояла у ворот со свитком совета в руке и чувствовала, как холодная печать на бумаге спорит с теплом на её запястье. Серебряная линия под кожей не гасла. Она будто прислушивалась к словам, к двору, к Каэлю, к Арману, к затихающему стуку копыт за улицей.

Один след у яблони всё ещё оставался.

Маленький. Чёткий. Серебристый по краям.

Каэль смотрел то на него, то на Элиану.

— Он сказал про клетку? — спросил мальчик.

Элиана медленно выдохнула.

— Это книга сказала.

— А дракон?

— Мы пока не знаем, умеет ли он говорить.

Каэль нахмурился, обдумывая.

— Если он проснулся, значит, умеет хотя бы ходить.

Мира нервно усмехнулась.

— Вот, госпожа. В доме появился единственный человек, который рассуждает здраво.

— Я человек? — уточнил Каэль.

— Пока да, — сказала Мира. — Если начнёте оставлять следы под яблоней, поговорим отдельно.

Мальчик хотел улыбнуться, но улыбка не вышла. Он снова посмотрел на свиток в руках Элианы.

— Ты поедешь?

Слишком простой вопрос.

И слишком взрослый страх в детском голосе.

Арман, стоявший рядом с сыном, не ответил за неё. Даже не повернул головы к всадникам, которых уже не было видно за поворотом улицы. Только опустил руку на плечо Каэля, но не сжал, не удержал. Просто дал мальчику почувствовать, что стоит рядом.

Элиана заметила это движение.

И заметила, как трудно Арману молчать.

Раньше он заполнил бы тишину приказом. Велел бы закрыть ворота, позвать стражу, отправить ответ, поднять дом Вейр. Он умел защищать так, что от защиты становилось тес-

но дышать. Теперь стоял в чужом для него дворе и учился тому, что снаружи выглядело почти бездействием.

Но Элиана уже знала: иногда не схватить — труднее, чем сражаться.

Она посмотрела на Каэля.

— Я не поеду просто потому, что они велели.

— А если они разозлятся?

— Тогда они взрослые и справятся со своими чувствами сами.

Каэль моргнул. Потом, кажется, решил, что это хороший ответ, и чуть крепче прижал деревянного дракончика к груди.

Терион осторожно закрыл книгу.

— До заката времени мало.

— Спасибо, мастер, — сухо сказала Мира. — Без вас мы бы решили, что закат завтра.

Терион устало потер переносицу.

— Я лишь хотел сказать, что совет не станет ждать спокойно. Если они узнали о знаке так быстро, значит, оповещение прошло не через людей.

Арман поднял взгляд.

— Через дома.

— Возможно, — кивнул Терион. — Или через саму силу.

Элиана посмотрела на оставшийся след.

— То есть книга написала “домам будет объявлено”, и они действительно узнали?

— Похоже на то.

— Замечательно, — сказала Мира. — Значит, у нас не только книга с характером, но и двор с доносчиком.

Каэль посмотрел на землю.

— Двор не доносчик.

— А кто?

— Он просто сказал.

— Кому?

Мальчик пожал плечами.

— Домам.

Ответ прозвучал так спокойно, что взрослые замолчали.

Элиана медленно повернулась к нему.

— Каэль, почему ты так сказал?

Он смутился.

— Не знаю.

— Ты слышал это?

— Нет. Ну... не ушами.

Нира побледнела.

— Наследник, вам стало плохо?

— Нет, — быстро сказал он и раздражённо мотнул головой, отчего шапка съехала на один глаз. — Я просто понял. Как когда Эли смотрит на меня и понимает, что я устал, хотя я ещё ничего не сказал.

Элиана присела перед ним.

— Ты сейчас устал?

Каэль хотел ответить “нет”. Это было видно по его лицу.

Он уже набрал воздух, чтобы заупрямиться, но посмотрел на неё и выдохнул.

— Немного.

— Тогда идём внутрь.

— А след?

— Мы его не тронем.

— А если он исчезнет?

Элиана посмотрела на серебристый отпечаток у яблони.

— Если он должен исчезнуть, мы его не удержим. Если должен остаться — останется.

Каэлю такой ответ не понравился, но спорить он не стал. Нира поправила ему шапку, Мира подхватила с земли край его плаща, чтобы тот не волочился по мокрой дорожке, и двор вдруг снова стал бытовым: ребёнок, холод, сырость, сердитая женщина, поправляющая чужие пуговицы.

Только за воротами стояла стража Армана.

И в руке Элианы лежал свиток с печатью великих домов.

Арман подошёл к ней, но остановился на расстоянии, где можно было говорить тихо и не давить присутствием.

— Они вернутся.

— Знаю.

— Не одни.

— Тоже знаю.

Он помолчал.

— Я могу отправить в совет ответ от своего имени.

Серебряная линия на её запястье неприятно остыла.

Арман увидел это и сам закрыл глаза на короткое мгновение.

— Опять неверно.

— Да.

— Я могу подготовить людей, документы и свидетелей, если ты позволишь. Ответ должен быть твой.

Метка согрелась.

Элиана посмотрела на него дольше, чем собиралась.

— Это становится почти привычкой.

— Что?

— Вы сначала хотите всё решить, потом вспоминаете, что нельзя.

— Не самая красивая привычка.

— Зато новая.

В его взгляде мелькнуло что-то почти живое. Не улыбка. До улыбки было далеко. Но жёсткость лица смягчилась на один вдох.

— Элиана, совет не признает двор лечебницы достаточной защитой. Для них ты сейчас не хозяйка дома и не врач. Ты явление, которое нужно описать, поставить в протокол и подчинить правилу.

— Я не собираюсь становиться явлением.

— Они не спросят.

— Тогда им придётся научиться.

Он медленно кивнул.

— Хорошо.

Это “хорошо” всё ещё было непривычным. Не приказ. Не уступка с раздражением. Согласие с её правом решать, даже если он видел опасность лучше многих.

Терион, шедший чуть позади с книгой, тихо произнёс:

— Леди Элиана, прежде чем вы дадите совету ответ, нужно понять, что именно написано в требовании.

Мира обернулась.

— А вы думаете, там будет что-то кроме “явиться, подчиниться, не задавать вопросов”?

— Именно поэтому нужно читать.

— Читайте вслух, — сказала Элиана.

Они вошли в приёмную.

Тая быстро увела ожидавших людей в боковую комнату и закрыла дверь. Нира усадила Каэля у окна, но мальчик всё равно повернулся так, чтобы видеть Элиану. Он держался бодро, даже слишком бодро. Так дети иногда делают, когда хотят убедить взрослых, что с ними всё в порядке, лишь бы их не отправили прочь от важного.

Арман остался у порога.

— Войдите, — сказала Элиана, не оборачиваясь.

Он вошёл.

Мира покосилась на него.

— Быстро привыкаете к человеческим приглашениям, милорд.

— Стараюсь.

— Это подозрительно.

— Мира, — сказала Элиана.

— Молчу. Почти.

Терион развернул свиток на столе. Печать совета треснула не сразу: серебристый ободок сопротивлялся, будто признавал только определённые руки. Арман сделал шаг, но Элиана уже положила пальцы на край.

Печать растаяла.

Не от силы. От прикосновения.

Тонкая серебряная пыль поднялась над столом и осела на странице книги, лежавшей рядом. Книга дрогнула, но не открылась.

Терион побледнел.

— Теперь они точно будут утверждать, что знак активен.

— Он и так активен, — сказала Элиана.

— Да, но одно дело — слух, другое — подтверждение через печать совета.

— Мастер, вы сейчас помогаете или пугаете?

— Пока не знаю.

— Тогда читайте.

Терион прочёл.

Сухие слова оказались хуже угроз.

Совет великих домов требовал, чтобы леди Элиана до заката явилась в Палату родовых печатей для первичной проверки проявившейся силы неизвестного происхождения. До проверки ей предписывалось не покидать пределы города, не вступать в магические контакты с детьми великих домов,

не принимать решений, касающихся пробуждённого знака, и не препятствовать прибытию наблюдателей.

Мира первой ударила ладонью по столу.

— Наблюдателей? В лечебницу? К детям?

Каэль у окна напрягся.

Элиана сразу посмотрела на него.

— Они сюда не войдут без моего разрешения.

— А если скажут, что можно? — спросил он.

Арман ответил не сразу. Снова. И Элиана была почти благодарна за эту паузу.

— Тогда им придётся услышать, что в этом доме есть хозяйка, — сказал он.

Каэль посмотрел на него внимательно, как проверял новые доски на мостике: выдержат или нет.

— А ты не хозяйка?

Арман чуть наклонил голову.

— Нет.

— А раньше был бы?

В комнате стало тихо.

Мира уставилась в полку с чистыми полотенцами так, будто никогда не видела ничего интереснее.

Элиана не вмешалась.

Арман опустил на одно колено перед сыном.

— Раньше я думал бы, что имею право решить, потому что сильнее, старше и потому что ты мой сын.

— А теперь?

— Теперь я всё ещё твой отец. И всё ещё должен защищать тебя. Но если речь о доме Элианы, я не имею права делать его своим только потому, что боюсь.

Каэль нахмурился.

— Это сложно.

— Да.

— Мне не нравится совет.

— Мне тоже.

— Можно я не пойду к ним?

— Можно, — сказала Элиана.

Мальчик тут же посмотрел на неё.

— А ты?

Она снова почувствовала холод свитка, хотя больше его не держала.

— Я пока не решила.

Каэль побледнел.

Не сильно. Но Элиана увидела.

Сначала изменились губы. Потом взгляд. Потом рука с деревянным дракончиком прижалась к груди слишком крепко.

— Каэль?

— Я нормально.

Это было сказано слишком быстро.

Арман повернулся к нему.

— Сын?

— Я нормально, — повторил мальчик и попытался встать.

— Я просто...

Он не договорил.

На коже у края воротника проступила тонкая тёмная линия.

Едва заметная. Слабая, как тень от волоса. Но Элиана увидела её сразу.

Воздух в комнате изменился.

Нира тихо ахнула, но тут же зажала рот ладонью.

Арман застыл.

И в это мгновение Элиана поняла, что самая опасная часть прежнего проклятия не исчезла вместе с Селестой, не ушла с чёрной меткой, не растворилась после публичного признания. Она осталась в памяти ребёнка. В его теле, в его страхе, в мгновенной уверенности: если взрослые с печатями пришли за Элианой, значит, её могут забрать.

А если её заберут, он снова останется один среди тех, кто решает за него.

— Тихо, — сказала Элиана.

Не комнате. Не Арману. Себе.

Она подошла к Каэлю медленно, без рывка, без паники. Села рядом, так, чтобы он видел её лицо.

— Посмотри на меня.

Он смотрел в сторону.

— Каэль.

Мальчик всё же поднял глаза.

В них было столько сдержанного ужаса, что у Элианы сжалось горло.

— Они тебя заберут, — прошептал он.

— Сейчас я здесь.

— Сейчас мало.

Эта фраза ударила сильнее, чем приказ совета.

Арман резко вдохнул, но не вмешался. Только сжал руку в кулак и тут же разжал. Удержал себя.

Элиана протянула ладонь.

— Дай руку.

Каэль вложил пальцы в её ладонь. Не сразу. Сначала посмотрел на отца, потом на Ниру, будто проверял, не скажет ли кто-то, что нельзя. Только после этого коснулся её.

Серебряная метка на запястье Элианы потеплела.

Тёмная линия на шее мальчика не исчезла мгновенно. Но перестала расти.

— Слышишь меня? — спросила она.

Он кивнул.

— Я не обещаю тебе того, чего не знаю. Совет действительно может попытаться забрать меня на проверку. Арман может спорить. Мира может ругаться. Терион может найти в книге ещё двадцать неприятных слов.

— Я могу больше, — мрачно сказал Терион.

— Не помогаете, мастер.

— Простите.

Каэль всхлипнул, но не заплакал.

Элиана сжала его пальцы чуть крепче.

— Но я обещаю другое. Я не уйду молча. Я не позволю

взрослым говорить обо мне так, будто меня нет рядом. И если мне придётся идти туда, где мне не нравится, я пойду только на своих условиях.

— А если они скажут, что условий нет?

— Тогда они плохо меня знают.

Каэль смотрел на неё, стараясь поверить.

— Ты вернёшься?

Вот этот вопрос был самым страшным.

Потому что он просил не смелости. Не красивой фразы. Он просил будущего, которое никто не мог держать в руках.

Элиана не сказала “конечно”.

— Я буду делать всё, чтобы вернуться к тебе.

Мальчик сглотнул.

— Это честно?

— Да.

Он подумал и кивнул.

Тёмная линия стала бледнее.

Нира тихо выдохнула. Мира отвернулась к окну и сердито протёрла глаза краем рукава, делая вид, что смотрит на улицу.

Арман стоял неподвижно.

Элиана видела, как ему хочется подойти к сыну, поднять его, сказать, что никто никого не заберёт, закрыть весь мир своим телом. И видела, как он не делает этого сразу, потому что Каэль держит её руку, и сейчас ребёнку нужна не сила отца, а правда, которая не ломается от первого страха.

Потом Каэль сам протянул вторую руку.

— Папа.

Арман подошёл мгновенно, но мягко. Опустился рядом, взял его пальцы.

— Я здесь.

— Не кричи на совет.

— Постараюсь.

— А если будешь хотеть?

— Буду смотреть на Элиану.

Каэль чуть подумал.

— Или на меня.

Арман опустил голову.

— Или на тебя.

Метка Элианы стала теплее.

Не ярче. Просто теплее.

Терион смотрел на это с таким выражением, будто перед ним происходило нечто важнее любого обряда.

— Что? — спросила Элиана.

— Линия на коже наследника побледнела, когда вы оба перестали давать обещания за него и начали говорить с ним.

— Это не открытие, мастер. Это нормальная жизнь.

— Для дома Вейр — открытие, — буркнула Мира.

Арман не обиделся.

И это тоже было частью нового мира.

Свиток совета лежал на столе, как чужая вещь, которую никто не хотел брать в руки. Печать больше не блестела, но

Элиана всё равно чувствовала от неё холод. Не магический даже. Административный. Холод людей, которые умеют превращать живого человека в строку протокола.

— Они написали про наблюдателей, — сказала она. — Значит, если я не явлюсь, они придут сюда.

Арман кивнул.

— Да.

— Если я явлюсь без условий, они решат, что могут распоряжаться мной.

— Да.

— Если вы явитесь со мной как глава Вейров, они решат, что я под вашей защитой и вашей властью.

Он помолчал.

— Да.

— Значит, мне нужен третий вариант.

Терион насторожился.

— Какой?

Элиана посмотрела на Миру.

— Лечебница принимает детей не по титулу, а по состоянию. Это уже знают в городе?

— После истории с бароном знает даже его стул во дворе.

— Хорошо.

— Нет, госпожа. Когда вы говорите “хорошо” таким голосом, мне уже заранее плохо.

Элиана поднялась.

Слабость после утренних событий наконец напомнила о

себе. Спина ныла, рука с меткой была тяжёлой, будто серебряная линия весила больше, чем могла. Но внутри появилась ясность. Не уверенность, что она победит. Не знание, как устроена новая сила. Просто понимание следующего шага.

— Я не поеду во дворец тайно. И не пойду в Палату родовых печатей как вещь, которую вызвали на проверку. Если совет хочет разговаривать со мной до заката, он получит ответ здесь. В лечебнице.

Терион побледнел.

— Здесь?

— Да.

— Великие дома не придут в лечебницу как просители.

— Значит, придут как гости. Снаружи, у ворот. Или не придут вовсе.

Арман посмотрел на неё внимательно.

— Ты хочешь сделать двор лечебницы местом ответа?

— Я хочу, чтобы они видели, куда пришли. Не зал, где меня можно поставить одну под люстры. Не дворец, где каждая стена говорит вашим голосом. Здесь есть дети, родители, Мира, Тая, Нира, люди с окраины. Здесь я не бывшая жена Вейра и не носительница чужой силы. Здесь я хозяйка.

Мира медленно расправила плечи.

— Вот теперь мне нравится.

Терион всё ещё выглядел так, будто ему не нравится вообще ничего.

— Совет может счесть это оскорблением.

— Совет уже прислал требование, в котором назвал меня носительницей. Я переживу их обиду.

Арман тихо сказал:

— Это опасно.

— Да.

— Они попытаются заявить, что ты уклоняешься.

— Тогда мы ответим письменно. При свидетелях.

Он не сразу понял.

Потом в его взгляде появилось то самое холодное внимание, которое раньше пугало Элиану, а теперь могло стать оружием — если он не направит его против неё.

— Свидетели из города, — сказал он.

— Родители детей, которые лечатся здесь. Соседи. Те, кто видел, что лечебница существует не как укрытие для моей метки, а как место помощи.

— И представители моего дома, но не как хозяева.

— Как свидетели.

Арман кивнул.

— Я могу прислать писца.

Метка не остыла.

Элиана приняла это как знак, хотя не знала, имеет ли право так делать.

— Пришлите. Но текст ответа буду диктовать я.

— Конечно.

Мира резко посмотрела на него.

— Вы это легко сказали.

— Я учусь заранее.

— Подозрительно быстро.

Каэль осторожно спросил:

— А я буду свидетелем?

— Нет, — одновременно сказали Элиана, Арман, Нира и Мира.

Мальчик возмутился.

— Почему?

Мира упёрла руки в бока.

— Потому что свидетели стоят, мерзнут и слушают взрослых. А дети в это время сидят в тёплой комнате, едят пирожок и делают вид, что не подслушивают.

— Но я наследник.

— Вот как только начнёте этим пользоваться, я вас отправлю чистить морковь.

Каэль посмотрел на отца.

— Она может?

Арман ответил с серьёзным лицом:

— В этом доме, кажется, да.

Мальчик задумался.

— Тогда я ребёнок.

— Мудрое решение, — сказала Элиана.

И только после этого заметила: тёмная линия на его коже почти исчезла.

Почти.

Но не до конца.

Новый страх не успел стать приступом. Однако след остался. Значит, прежняя тень не была мёртвой. Она больше не правила Каэлем, но могла просыпаться там, где взрослые снова делали мир ненадёжным.

Элиана запомнила это.

Не как ужас.

Как предупреждение.

До заката оставалось несколько часов.

Лечебница изменилась быстро, но не суетливо. Это тоже было заслугой Миры. Она умела превращать тревогу в список дел так решительно, что даже Арманова стража у ворот начала двигаться тише и полезнее.

Тая побежала к соседям. Нира увела Каэля наверх и пообещала, что он будет “не свидетелем, а главным наблюдателем из окна”, что устроило его чуть больше. Терион заперся в кабинете с книгой, но дверь оставил открытой, чтобы не пропустить ни одного слова. Мира распорядилась вынести во двор длинный стол, но без гербов, без серебряных подставок и вообще без всего, что могло сделать лечебницу похожей на маленький филиал дворца.

— Стол простой, — сказала она плотнику, который прибежал помочь. — Стулья простые. Лица у всех тоже желательно простые, но это уже как получится.

Арман стоял у ворот и говорил с Реном. Тихо. Без резких жестов. Но Элиана видела, как меняется лицо Рена: от тре-

воги к сосредоточенности.

Через четверть часа у ворот появились ещё несколько стражников Вейров, но они остались снаружи, как и было договорено. Потом пришла архивная писец — женщина средних лет с аккуратной папкой, строгим лицом и выражением человека, которого трудно удивить. Мира посмотрела на неё с подозрением.

— Дворцовая?

— Архивная, — ответила та.

— Это хуже?

— Часто.

Мира прищурилась.

— А мне вы уже нравитесь.

Элиана продиктовала ответ совету в кабинете.

Не длинный. Не униженный. Не дерзкий ради дерзости.

Она сообщала, что получила требование о проверке. Подтверждала, что серебряный знак действительно проявился, но его природа неизвестна и потому любые действия совета без согласия Элианы могут быть опасны для детей, находящихся в лечебнице. До выяснения первичных обстоятельств она отказывается являться в Палату родовых печатей как объект проверки. Вместо этого предлагает совету направить представителей к воротам лечебницы до заката, где в присутствии свидетелей она даст устный ответ и потребует письменных гарантий неприкосновенности себя, Каэля и пациентов.

Писец подняла голову только один раз.

— Слово “объект” оставить?

— Оставить.

— Совет обидится.

— Пусть запишут это в отдельный протокол.

Писец чуть заметно улыбнулась и продолжила.

Арман стоял у окна. Когда Элиана закончила, он не поправил ни одной фразы.

— Что? — спросила она.

— Ничего.

— У вас лицо человека, который борется с желанием переписать всё в более угрожающем тоне.

— Я борюсь успешно.

— Пока да.

Он подошёл к столу и посмотрел на текст.

— Здесь не хватает одного пункта.

Метка на запястье не изменилась, и Элиана позволила ему продолжить взглядом.

— Гарантия, что тебя не будут удерживать после проверки, если ты всё же согласишься пройти её позже. И что никакое решение о твоём статусе не будет принято без твоего присутствия и подписи.

Писец подняла перо.

Элиана помолчала.

— Добавьте.

Арман не улыбнулся. Но что-то в его лице стало тише.

— Спасибо, — сказала она.

Он посмотрел на неё так, будто это слово всё ещё было для него не правом, а подарком, который нельзя сжать в ладони слишком крепко.

— Это не защита-клетка?

— Нет. Это полезная дверь наружу.

— Тогда хорошо.

Ответ отправили с Реном.

После этого началось ожидание.

Самая неприятная часть любой опасности: когда ты уже сделал то, что мог, но удар ещё не пришёл.

Люди собирались у ворот постепенно. Сначала Тая привела плотника и старика с внуком. Потом пришла женщина с девочкой, которую Элиана принимала накануне. Потом ещё двое родителей, потом стражник с братом, потом соседка с корзиной, которая сказала, что просто проходила мимо, но встала у калитки и никуда не ушла.

Элиана смотрела на них из окна и чувствовала странную тяжесть в груди.

— Я не хотела втягивать их.

Мира стояла рядом.

— Их уже втянули, когда совет решил, что может при-
слать своих наблюдателей к детям.

— Всё равно.

— Госпожа, люди не корзины. Их не втягивают молча, они сами ногами приходят.

Элиана посмотрела на неё.

— Вы сегодня необычно мудры.

— Я всегда мудра. Просто вы обычно заняты драконами, проклятиями и бывшими мужьями, чтобы замечать.

Элиана почти рассмеялась.

Почти — потому что во дворе вдруг стало тихо.

Не постепенно. Сразу.

К воротам подъехали три кареты.

На первой был знак совета. На второй — герб дома Острид. На третьей — незнакомый Элиане знак: золотой круг, рассечённый чёрным крылом.

Терион, появившийся у двери с книгой под мышкой, тихо сказал:

— Дом Крайс.

Арман, стоявший у крыльца, медленно повернул голову.

— Они не входили в состав первичного суда.

— Поэтому и приехали, — сказал Терион. — Если речь о древнем знаке, придут не только те, кто уже участвовал.

Мира поправила на плечах шаль.

— Замечательно. Полный набор важных лиц, которым очень хочется объяснить женщине, где её место.

Элиана опустила взгляд на своё запястье.

Серебряная линия была тёплой.

Не спокойной. Но устойчивой.

— Моё место здесь, — сказала она.

И вышла во двор.

Наверху хлопнула дверь. Нира вывела Каэля на крыльцо и остановилась с ним у перил, не позволяя спуститься ниже. Мальчик держал деревянного дракончика обеими руками и смотрел так серьёзно, будто от его взгляда зависело, выдержит ли двор.

Советники не сразу двинулись к воротам. Видимо, ждали, что их пригласят внутрь. Или что Арман откроет калитку сам. Но Арман стоял у крыльца, не у ворот, и не делал ни того ни другого.

Элиана прошла мимо него.

Он тихо спросил:

— Рядом?

Она поняла вопрос.

Не “я буду рядом”. Не “я встану рядом”. А именно вопрос.

— Сбоку, — сказала она. — Не впереди.

— Да.

Они подошли к воротам так: Элиана чуть впереди, Арман сбоку, Мира за её левым плечом, Терион с книгой за правым. На крыльце стояли Нира и Каэль. Мальчику явно велели не выходить дальше, и он держался за перила так, будто это была граница мира.

Из первой кареты вышел высокий мужчина с узким лицом и белыми волосами. Из второй — леди Острид, строгая, прямая, закутанная в тёмный мех. Из третьей — мужчина лет сорока с тяжёлым взглядом и золотым знаком на перчатке.

Белокурый советник посмотрел сначала на Армана.

— Милорд Вейр.

Арман не ответил.

Советнику пришлось повернуться к Элиане.

— Леди Элиана. Совет получил ваш ответ.

— Быстро читаете.

Мира за её спиной тихо кашлянула, скрывая смешок.

Лицо советника не изменилось.

— Ситуация не допускает легкомыслия.

— Поэтому я и отказалась ехать туда, где меня уже назвали носительницей до разговора со мной.

Леди Острид внимательно посмотрела на неё.

— Формулировка была неудачной.

— Формулировка была точной. Она показала, как совет видит меня.

Мужчина из дома Крайс впервые заговорил:

— А как мы должны видеть женщину, на коже которой проявилась древняя драконья сила неизвестного происхождения?

— Начните с женщины, — сказала Элиана.

У ворот стало тихо.

Не так, как в зале первой книги. Там тишина была жадной. Здесь — настороженной. Люди слушали не ради падения. Они слушали, чтобы понять, позволят ли снова кому-то говорить поверх живого человека.

Советник с белыми волосами поднял подбородок.

— Древние законы великих домов предписывают провер-

ку всякой силы, способной воздействовать на наследников.

— Покажите закон.

Он моргнул.

— Что?

— Вы приехали требовать. Покажите основание.

Советник перевёл взгляд на Армана.

Арман молчал.

Леди Острид едва заметно прищурилась. Возможно, она первая поняла, что сегодня герцог Вейр не станет удобной дверью к Элиане.

Мужчина из дома Крайс достал тонкую пластину из тёмного металла.

— Закон есть.

— Прочитайте.

— Это закрытый текст.

— Тогда он не может быть основанием для открытого требования.

Терион за её спиной тихо выдохнул. Мира прошептала:

— Хорошо.

Советник с белыми волосами нахмурился.

— Леди, вы не понимаете серьёзности положения. Такая метка не принадлежит частному лицу. Она связана с равновесием домов.

— Моя рука — частное лицо?

В толпе у ворот кто-то тихо прыснул и сразу замолчал.

Арман опустил взгляд, но Элиана заметила, как угол его

губ едва дрогнул. На мгновение. Потом лицо снова стало спокойным.

Леди Острид шагнула ближе к воротам.

— Элиана, позвольте спросить иначе. Вы сами понимаете, чем может быть этот знак?

— Нет.

— Тогда почему отказываетесь от проверки?

— Потому что не понимаю, чем может быть знак. А когда женщина не понимает, почему её вызывают, кто будет рядом, какие действия с ней допустимы и сможет ли она уйти, это называется не проверка. Это ловушка.

Леди Острид не ответила сразу.

Мужчина из дома Крайс холодно произнёс:

— Слишком громкие слова для той, кто сама признала незнание.

— Незнание магии не означает отсутствие разума.

— Разум подсказывает подчиниться порядку.

— Нет. Страх подсказывает подчиниться порядку, когда порядок не объясняет правил.

Каэль на крыльце сжал перила. Элиана почувствовала это не глазами — меткой. Серебряная линия стала тёплой и тревожной одновременно. Она не обернулась, чтобы не усилить его страх, но голос сделала спокойнее.

— Я готова к разговору. Готова к наблюдению без прикосновений и без вмешательства в работу лечебницы. Готова предоставить письменное описание того, что произошло

утром. Но я не поеду в Палату родовых печатей без гарантий, что меня не будут удерживать, объявлять собственностью домов или ограничивать моё право вернуться сюда.

Советник с белыми волосами переглянулся с мужчиной Крайсом.

И в этом коротком взгляде было слишком много.

Не удивления.

Не возмущения.

Узнавания.

Будто Элиана произнесла именно те слова, которых они хотели избежать.

Арман тоже заметил.

— Что именно в её требованиях вызывает затруднение?
— спросил он.

Теперь в его голосе была сталь. Но не ярость. Не приказ. Холодный, точный вопрос.

Советник выпрямился.

— Милорд Вейр, ваше личное участие осложняет дело. Речь идёт не о вашей бывшей супруге и не о вашем сыне.

— Ошибаетесь, — сказал Арман. — Речь идёт о женщине, которой мой дом уже причинил достаточно вреда, и о ребёнке, на которого эта сила реагирует.

Крайс усмехнулся.

— Именно поэтому ваша позиция не может считаться беспристрастной.

— Моя позиция отцовская, — спокойно ответил Арман.

— Беспристрастность оставлю тем, кто способен смотреть на детей как на строки в родовых книгах.

Среди людей у ворот прошёл тихий гул.

Леди Острид резко посмотрела на него.

— Осторожнее, милорд.

— Я стал осторожнее. Раньше сказал бы хуже.

Мира за спиной Элианы едва слышно прошептала:

— Прогресс.

Элиана не позволила себе улыбнуться.

Крайс поднял пластину.

— Достаточно. По древнему положению о внекровных драконьих знаках, лицо, на котором проявилась сила, связанная с наследниками великих домов, подлежит временно-му ограничению самостоятельности до установления природы знака.

Элиана почувствовала, как двор словно сузился.

— Ограничению самостоятельности, — повторила она.

Слова были гладкие. Почти вежливые.

И страшные именно этим.

— Это правовая формула, — сказал советник.

— Нет, — ответила Элиана. — Это клетка с красивой вывеской.

Леди Острид сжала губы.

— Формула старая. Её применяли редко.

— К кому?

Никто не ответил.

Элиана поняла.

Арман тоже.

Терион шагнул вперёд, побледнев.

— К женщинам из другого мира?

Крайс посмотрел на него резко.

— Мастер, вам следует помнить, кому вы служите.

— Сегодня я помню, кому не должен лгать.

Книга в его руках дрогнула.

Страница раскрылась сама, хотя ветра не было.

Каэль на крыльце тихо позвал:

— Эли...

На его шее снова проступила тень.

Совсем слабая. Но она была.

Элиана обернулась мгновенно.

— Каэль, смотри на меня.

Он смотрел.

Пытался.

Но вокруг стояли взрослые с древними законами, печатями, каретами и голосами, которые снова делали из Элианы то, что можно забрать ради порядка. Для него это было слишком похоже на начало старого кошмара.

Арман сделал шаг к сыну, потом остановился и посмотрел на Элиану.

Она кивнула.

Только тогда он пошёл к Каэлю.

Не вместо неё.

По её разрешению.

Советники увидели этот короткий обмен. И, кажется, поняли в нём больше, чем хотели.

Крайс медленно произнёс:

— Вот оно.

Элиана повернулась к нему.

— Что?

— Знак воздействует на наследника. Его состояние меняется от ваших решений.

— Его состояние меняется от страха, что взрослые снова заберут того, кому он доверяет.

— Удобное объяснение.

— Человеческое.

— Великим домам недостаточно человеческих объяснений.

— Детям — достаточно.

Крайс посмотрел на беловолосого советника.

Тот наконец произнёс то, ради чего, видимо, и приехал:

— Леди Элиана, согласно древнему положению, женщина с такой меткой не имеет права принадлежать самой себе до завершения проверки.

Мира резко шагнула вперёд.

— Повторите.

Советник даже не взглянул на неё.

— Её выбор временно передаётся под надзор домов.

Элиана стояла неподвижно.

Не потому, что не почувствовала удара.

Потому что почувствовала слишком ясно.

Вот она, настоящая формулировка. Не “проверка”. Не “забота”. Не “порядок”. Всё проще. Всё старше. Всё знакомее.

Женщина с меткой не принадлежит себе.

Арман медленно повернулся от Каэля.

Серебро в его глазах стало почти белым.

Каэль испуганно схватил его за рукав.

— Папа, не надо.

Арман застыл.

Весь двор ждал, сорвётся ли дракон.

Элиана слышала собственное дыхание. Почувствовала тепло за запястьем. Увидела маленький оставшийся след у яблони, который вдруг засветился сильнее.

И поняла: это и был первый выбор.

Не ехать или не ехать.

Не доверять Арману или нет.

А позволить ли старому миру снова назвать её не человеком.

Она подняла руку так, чтобы серебряный знак увидели все.

— Тогда передайте великим домам, — сказала Элиана спокойно, — что проверка уже началась.

Советник нахмурился.

— Что вы имеете в виду?

Книга в руках Териона раскрылась шире.

Страница вспыхнула серебром, и над двором, прямо в холодном воздухе, проступили слова — не на бумаге, а между воротами и крыльцом, словно сама лечебница решила, что теперь читать должны все:

“Первый дом, который назовёт хранительницу вещью, станет первым, кого дракон вспомнит.”

Тишина упала на двор тяжело.

Крайс побледнел.

Леди Острид впервые отступила на полшага.

А Элиана почувствовала, как серебряная метка на её запястье раскрылась теплом — не как цепь.

Как крыло.

Глава 3. Закон великих домов

“Первый дом, который назовёт хранительницу вещью, станет первым, кого дракон вспомнит.”

Слова висели в холодном воздухе между воротами и крыльцом, серебряные, тонкие, почти прозрачные. Они не горели, не били молнией, не заставляли землю дрожать. И от этого казались ещё страшнее. Не угроза, брошенная в гнев. Не вспышка чужой силы. Запись.

Как будто кто-то древний, терпеливый и очень хорошо помнящий просто внёс дом Крайс в невидимую книгу.

Элиана стояла с поднятой рукой и чувствовала, как серебряная метка на запястье раскрывается теплом. Не как цепь.

Как крыло.

Крайс побледнел первым.

Не сильно, не так, чтобы это заметила толпа у ворот. Но Элиана уже привыкла считывать маленькие перемены: пальцы в золотой перчатке чуть сжались, подбородок дрогнул, взгляд на миг сорвался с её лица к оставшемуся следу у яблони. Он был человеком, который привык приходить с

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.